

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81.42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-7-14>

Сетевой диаспоральный дискурс: определение понятия

Ольга Вячеславовна Орлова^{1, 2}, Ван Юаньин³

¹ Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия

² Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

³ Хэйлунцзянский институт иностранных языков, Харбин, Китай

^{1, 2} o.orlova13@yandex.ru

³ wangyuanying823@yandex.com

Аннотация

Статья носит обзорно-теоретический характер и содержит анализ трудов языковедов и представителей других отраслей гуманитарного знания, внесших вклад в разработку проблематики существования языка и языкового существования личности, во-первых, в новом цифровом пространстве, а во-вторых, за пределами метрополии в поле сильного влияния иных лингвокультур. Цель работы – сформулировать дефиницию, наиболее релевантно характеризующую актуальное состояние такого объекта современных дискурсивных исследований, как сетевой диаспоральный дискурс. В разделе «Сетевой дискурс: подходы к исследованию» на фоне сопредельных терминов и понятий обосновывается выбор термина сетевой дискурс, описываются его широкое и узкое понимание. Узкое понимание термина свойственно собственно дискурсивному подходу к анализу речевой коммуникации с акцентом на следующие характеристики: реализацию в социальных сетях, неофициальность коммуникации пользователей, объединенных общим интересом, возможность свободного приобщения к ней. В разделе «Сетевой дискурс диаспоральных сообществ» формирование и поддержание сетевой коллективной идентичности обозначены как одна из приоритетных миссий любого интернет-комьюнити, определен такой феномен новейшей действительности, как цифровые диаспоры, а современная русскоязычная цифровая диаспора представлена как сетевое сообщество, объединенное русским языком и коллективной задачей социокультурной адаптации в новой стране. Сетевой диаспоральный дискурс – особая разновидность текстов сетевой коммуникации представителей диаспоральных сообществ, погруженных в ситуацию рецепции и интерпретации различных сторон иностранной реальности. Сетевой диаспоральный дискурс всегда имеет конкретное языковое воплощение (русскоязычный, франкоязычный и т. д.), может быть представлен и как универсалия в форме сетевого речевого взаимодействия глобального сообщества носителей языка вне метрополии, и как совокупность локальных вариантов-уникалий в форме сетевого речевого взаимодействия диаспоральных сообществ конкретных стран и регионов.

Ключевые слова: сетевой диаспоральный дискурс, цифровая диаспора

Для цитирования: Орлова О. В., Ван Юаньин. Сетевой диаспоральный дискурс: определение понятия // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 1 (231). С. 7–14. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-7-14>

THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Network diaspora discourse: definition of the concept

Olga V. Orlova^{1, 2}, Wang Yuanying³

¹ Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering, Tomsk, Russian Federation

² Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

³ Heilongjiang Institute of Foreign Languages, Harbin, China

^{1, 2} o.orlova13@yandex.ru

³ wangyuanying823@yandex.com

Abstract

The article is of review-theoretical nature and contains an analysis of the works of linguists and representatives of other branches of humanitarian knowledge, who have contributed to the development of the problems of language and linguistic existence of personality, first – in the new digital space, and second – outside the metropolis in the field of strong influence of other linguocultures. The aim of this paper is to formulate a definition that most relevantly characterizes the current state of such an object of contemporary discursive research as network diaspora discourse. In the section «Network discourse: approaches to research» against the background of related terms and concepts the choice of the term *network discourse* is justified, its broad and narrow understanding is described. The narrow understanding of the term is characteristic of the discursive approach to the analysis of speech communication with the emphasis on the following characteristics: realization in social networks, informal communication of users united by a common interest, the possibility of free access to it. In the section “Network discourse of diaspora communities” the formation and maintenance of the network collective identity is outlined as one of the priority missions of any Internet community, such phenomenon of modern reality as digital diasporas is defined, and the modern Russian-speaking digital diaspora is presented as a network community united by the Russian language and the collective task of sociocultural adaptation in a new country. Network diaspora discourse is a special kind of texts of network communication of representatives of diaspora communities, immersed in the situation of reception and interpretation of various aspects of foreign reality. Diaspora network discourse always has a specific linguistic embodiment (Russian-speaking, French-speaking, etc.) and can be presented both as a universalia in the form of network speech interaction of the global community of speakers outside the metropolis, and as a set of local variants-uniques in the form of network speech interaction of diaspora communities of specific countries and regions.

Keywords: network diaspora discourse, digital diaspora

For citation: Orlova O. V., Wang Yuanying. Setevoy diasporal'nyy diskurs: opredeleniye ponyatiya [Network diaspora discourse: definition of the concept]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 1 (231), pp. 7–14 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-7-14>

Введение

Статья носит обзорно-теоретический характер и содержит анализ трудов языковедов и представителей других отраслей гуманитарного знания, внесших вклад в разработку проблематики существования языка и языкового существования личности, во-первых, в новом цифровом пространстве, а во-вторых, за пределами метрополии в поле сильного влияния иных лингвокультур. Цель работы – сформулировать дефиницию, наиболее релевантно характеризующую актуальное состояние такого объекта современных дискурсивных исследований, как сетевой диаспоральный дискурс.

Сетевой дискурс: подходы к исследованию

Киберпространство как новая коммуникативная сфера не могло не оказаться в центре внимания

дискурсивных исследований, в которых текст, погруженный в ситуацию интернет-коммуникации, стал рассматриваться как современный, не существовавший ранее тип дискурса. Язык сети Интернет и интернет-дискурс стали центральными понятиями активно разрабатывающейся в настоящее время интернет-лингвистики как изначально комплексного научного направления «интегративного типа, которое должно соединять подходы и методологию различных лингвистических дисциплин: социолингвистики, психоллингвистики, лингвистики текста, при этом формируя и свой собственный исследовательский инструментарий» [1, с. 232].

Дискурс интернета понимается как виртуальное образование, обладающее набором специфических черт, виртуальность интернет-дискурса объясняется его глобальностью, условностью, домысливаемостью.

мостью, необозримостью, бесконечностью [2], общими свойствами виртуальной реальности выступают «порожденность, актуальность, автономность, интерактивность, иммерсивность», а виртуального дискурса – «гибкий и автономный хроно-топ, относительная анонимность, возможность корректировать самопрезентацию, относительное равноправие коммуникантов, высокая степень зависимости от технических возможностей» [3, с. 9].

В отечественной лингвистике активно используются термины *интернет-дискурс*, *виртуальный дискурс*, *компьютерный дискурс*, *электронный дискурс*, *цифровой дискурс*, *сетевой дискурс*. Попробуем с опорой на многочисленные труды, посвященные данной проблеме (так, на запрос *интернет-дискурс* в электронной библиотеке Elibrary.ru поисковая система выдает более 1000 наименований научных трудов, в названии которых имеется данный термин), дать свое видение соотношения данных понятий и аргументировать выбор термина *сетевой дискурс* в качестве основного в настоящей работе.

О. К. Мельникова дает следующую дефиницию: «Это особый вид коммуникации, осуществляемый посредством интернета, который является каналом связи и обмена информацией между участниками общения» и, констатируя множественность терминологических номинаций феномена, отдает предпочтение фигурирующей в названии статьи, поскольку «интернет вмещает в себя все оттенки смыслов, представленные в других вариантах термина» [4, с. 31–33].

Однако в настоящее время, особенно после пандемии коронавируса, стало очевидно, что практически все коммуникативные практики, вплоть до религиозных и поминальных, возможны и реализуемы в интернет-формате. Как пишет П. Колозари-ди, интернет стал «неотторжимой частью нашего быта и жизни» [5, с. 23], он «существовал и до пандемии, а во время локдауна стал во многих пользовательских практиках более очевидным», когда «приставки “онлайн” или “цифровой” потеряли свою эмансипаторную силу, которую имели когда-то. Сами по себе они значат лишь то, что нечто происходит с участием интернета» [там же, с. 13–14]. Как отмечают социологи, «пандемия лишь ускорила процесс цифровизации общества, дала толчок для ускоренного внедрения и улучшения различных возможностей использования интернета», а «интернет-пространство трансформирует привычные всем повседневные практики в нечто новое, и такая трансформация происходит во всех сферах жизни человека» [6, с. 189].

Исходя из данных наблюдений, правомерным становится вопрос о деактуализации бинарной оппозиции интернет-дискурс – не-интернет-дискурс-

сы и выдвижение на первый план проблем трансформаций, происходящих с самыми разнообразными дискурсивными формациями (научным, деловым, спортивным и т. д. дискурсами), в том числе и с диаспоральным дискурсом, при их трансферте в сетевую форму существования.

Возвращаясь к вопросу о терминологической разногласии, отметим, что в ряду первых в отечественной лингвистике его попыталась разрешить О. В. Лутовинова в докторской диссертации «Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса». Подразумевая под виртуальным дискурсом «текст, погруженный в ситуацию общения в виртуальной реальности», она рассматривает гиперо-гипонимические отношения этого термина с другими смежными: «Термины “компьютерный дискурс” и “электронный дискурс” являются синонимичными и обозначают текст, погруженный в ситуацию общения посредством электронных средств связи, а точнее, посредством компьютера. “Интернет-дискурс” предполагает общение в глобальной сети, а “сетевой дискурс” – как общение в Интернете, так и в других сетях, в том числе и в локальных. <...> С другой стороны, виртуальный дискурс трактуется шире, чем компьютерный, поскольку для общения в виртуальной реальности может использоваться не только Интернет, но и другие средства связи, способные создать эту реальность, например, мобильный телефон с системой СМС-сообщений» [7, с. 8–9].

Как видно, буквально за последнее десятилетие технологические возможности столь преобразили системы наших коммуникаций (интернет-телефония, банкинг, образование, торговля, госуслуги, многочисленные социальные сети и мессенджеры и т. д.), что описываемые О. В. Лутовиновой соотношения понятий уже не отражают реального положения дел, а в лингвистических исследованиях описываемые термины фигурируют как синонимы.

Что касается термина *сетевой дискурс*, то в современной лингвистике сложилось два понимания этого термина – широкое и узкое. Для представления широкого и узкого трактовок термина целесообразно проанализировать контент современных лингвистических трудов по данной тематике.

Широкое понимание термина *сетевой дискурс* обусловлено определением интернета как глобальной сети. Приведем одно из таких определений: «Интернет – это глобальная социально-коммуникационная компьютерная сеть, предназначенная для удовлетворения личностных и коммуникационных социальных потребностей за счет использования телекоммуникационных технологий» [8, с. 108]. Популярно также метафорическое представление интернета как всемирной паутины. Е. Л. Яковлева, осуществляя философскую рецепцию этой мета-

форы, отмечает: «Всемирная паутина, олицетворяющая научно-технические достижения современности и мир новых медиа, представляет сеть со сложной модульной конструкцией, состоящей из нитей и узлов/веб-серверов» [9, с. 63]. Следуя данному широкому пониманию, многие исследователи отождествляют понятия *интернет-дискурс* и *сетевой дискурс*, используя их «для обозначения коммуникативного взаимодействия людей, осуществляемого через интернет» [10, с. 12].

Узкое понимание термина *сетевой дискурс* свойственно собственно дискурсивному подходу к анализу речевой коммуникации в социальных сетях. Здесь отдельной строкой стоит выделить работы последних лет одного из основателей отечественной дискурсивной лингвистики В. И. Карасика.

Развивая традиции виртуального жанроведения, ученый подразумевает под сетевым дискурсом «общение в социальных сетях», а под социальной сетью «общественную структуру взаимосвязанных субъектов, имеющих сходные интересы. Типы таких интересов разнородны – от обсуждения проблем со здоровьем до форумов любителей поэзии. Возникновение интернета позволило каждому пользователю стать участником той или иной сети и при этом в определенной мере сохранить конфиденциальность общения, используя ник вместо имени. Соответственно уточнилось понимание социальной сети – теперь это интернет-ресурс, обеспечивающий возможности общения субъектов» [11, с. 152–153].

К системообразующим признакам сетевого дискурса В. И. Карасик относит:

- 1) возможность установить дружеское общение с широким кругом людей, имеющих близкие интересы;
- 2) наличие единого электронного ресурса, позволяющего поддерживать интерактивное взаимодействие;
- 3) полимодальный характер сообщений, включающих визуальный и текстовый компоненты;
- 4) возможность получить немедленный отклик на размещаемую информацию;
- 5) сокращенную дистанцию общения, в котором стирается грань между приватной и публичной коммуникацией. Поэтому также значим обобщающий вывод о том, что «сетевой дискурс оказывает существенное воздействие на развитие современного общества и способствует перестройке сложившихся типов общения, в котором личностная и статусная самопрезентация приобретает новые способы выражения» [там же, с. 164], позволяющий предположить «новые способы выражения» самопрезентации диаспорального сообщества в условиях сетевой коммуникации.

Поскольку социальные сети объединяют коммуникантов в свободном общении на основе самых разнообразных интересов, в сетевой коммуникации реализуются самые разные дискурсивные формации и дискурсивные практики. По этой причине в научных штудиях к атрибуту *сетевой* добавляются многочисленные уточняющие определения.

А. Б. Бушев [12], отмечая лично-массовый характер сетевого дискурса, предлагает классификацию его видов в зависимости от функции: академической, коммерческой, медийной, культурно-развлекательной, межличностного общения, автокоммуникации и психотерапевтической. О. А. Блинова [13, с. 80–81] квалифицирует политический сетевой дискурс как неинституциональный и подчеркивает, что он «реализуется на платформах новых медиа, прежде всего в блогах и социальных сетях. Его отличают неофициальность, стихийность, скорость реагирования на общественные вызовы (она значительно выше, чем у медийного или институционального политического дискурса) и многоголосие (коммуникация допускает и часто даже предполагает обратную связь, носит интерактивный характер)».

Сетевой дискурс диаспоральных сообществ

В последние годы в различных сферах гуманитарного знания усилился интерес как к дискурсу сетевых сообществ, так и к дискурсу сетевых диаспоральных сообществ как особым типам дискурса. С. В. Курушкин, исследующий ценностно-политический дискурс сетевых сообществ, полагает множественность ведущей характеристикой сетевых сообществ, которым присущ «поиск новых объединяющих механизмов» и в которых «реализуется своеобразная форма интерпретации», которую ученый называет «со-интерпретация» [14, с. 68–78].

Общими особенностями дискурса сетевых сообществ выступают включение их представителей «в режим непрерывной публичной рефлексии» [15, с. 121] и объединение на основе «конструирования коллективной идентичности» [16, с. 305]. Формирование и поддержание сетевой коллективной идентичности – одна из приоритетных миссий любого интернет-комьюнити. Как отмечает В. Зверева [17, с. 11], конструируя себя в языке, «настраивая» язык для выражения значимых для себя смыслов, «группы вырабатывают свои конвенции в отношении того, каким способом допустимо и недопустимо говорить друг с другом, <...> как “правильно” комментировать тексты и писать свои сообщения».

Национально-культурная и языковая идентичности объединяют любое диаспоральное сообще-

ство как объединение носителей определенных этнокультурной традиции и языка вне их «материнских территорий». Именно национальную, культурную, языковую идентичности исследователи называют расширенными, то есть основными, ключевыми, вбирающими в себя все остальные формы самоопределения личности и детерминирующими их.

В то же время переход коммуникативных практик диаспоральных сообществ в интернет, цифровизация и дигитализация диаспорального общения порождают такой феномен, как так называемые цифровые диаспоры. Авторы введения к монографии томских ученых «Цифровые диаспоры мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс “воображаемого сообщества” и конкуренция идентичностей» констатируют «транзит офлайн-сетей мигрантов в формат виртуальных этнокомьюнити или цифровых диаспор» и тот факт, что «в контексте миграции Интернет означает “смерть расстояния”» [18, с. 9].

Цифровая диаспора (англ. digital diaspora) представляет собой «виртуальное сообщество мигрантов, взаимодействие которых происходит на основе информационно-коммуникационных технологий и является местом обмена новостями, идеями, местом публичных дискуссий и местом формирования отношений» [19, с. 105].

В современных работах, посвященных различным социально-культурным аспектам функционирования цифровых диаспор, дается наиболее распространенное определение данного термина, предложенное американским исследователем Дженнифер Брикерхофф: это «диаспора, организованная в интернете», «добровольное сообщество, определяющими условиями существования которого являются низкие барьеры для входа и выхода, отсутствие иерархичности и принуждения». Интернет-коммуникация в этих сообществах предназначена для «обсуждения идентичности и развития солидарности», а ее «интерактивные компоненты позволяют обмениваться идеями, дискутировать, формировать мнение, на основе которого возникают крепкие социальные связи и отношения» [20, с. 193].

Российский исследователь В. М. Пешкова, изучающая диаспоральные СМИ, также рассматривает онлайн-связи как новые пути для формирования диаспоральных сообществ, которые благодаря Интернету «через идентификацию с несколькими местами одновременно воспроизводят и изменяют существующие признаки пространства и места, что влияет и на повседневные практики членов диаспорных групп». Само же понятие цифровых диаспор, по мнению ученого, было введено именно

для обозначения возрастающей роли информационно-коммуникативных технологий и интернета в жизни диаспоральных групп. Цифровые диаспоры, считает она, принципиально важны для политики идентичности, а также «для получения людьми опыта и знаний для жизни с высоким уровнем неопределенности и проблем в многокультурном <...> обществе» [21, с. 137].

Исследовательские проекты по изучению цифровой диаспоры описывает Е. В. Демченко. Среди них – «масштабный проект, являющийся частью исследований французского Дома наук о человеке, а точнее – его программы изучения электронных коммуникаций мигрантов “Атлас электронных диаспор”. В рамках проекта было изучено и представлено в виде архива около 8000 мигрантских веб-сайтов» [22, с. 32].

Электронным картографированием русскоязычной диаспоры в данном проекте занималась О. А. Моргунова, и результаты ее работы позволили сделать выводы о моно- или би-/полилингвальности сетевых диаспоральных ресурсов в зависимости от того, какой характер имеет то или иное диаспоральное сообщество – глобальный (много стран и регионов, в которых проживают члены русскоязычной диаспоры), региональный (несколько стран) или локальный (одна страна). Исследование показало, что «глобальные узлы по преимуществу одноязычны, а локальные – по преимуществу дву- или многоязычны. Такое употребление языков в цифровом мире свидетельствует в пользу предположения, что узлы национального и локального уровня продвигают дискурсы коллективности, основывающиеся одновременно на «общих корнях» мигрантов (которые ассоциируются с русским языком) и на новой «коллективной задаче» (решаемой в новой стране, к которой эмигранту приходится приспособиться, ее обжить)» [23, с. 439].

Заключение

Таким образом, целесообразно выделение сетевого диаспорального дискурса как особой разновидности текстов сетевой коммуникации представителей диаспоральных сообществ, погруженных в ситуацию рецепции и интерпретации различных сторон иностранной реальности. Сетевой диаспоральный дискурс всегда имеет конкретное языковое воплощение (русскоязычный, франкоязычный и т. д.), может быть представлен и как универсалия в форме сетевого речевого взаимодействия глобального сообщества носителей языка вне метрополии, и как совокупность локальных вариантов-уникалий в форме сетевого речевого взаимодействия диаспоральных сообществ конкретных стран и регионов.

Список источников

1. Горошко Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. 2007. № 5. С. 223–237.
2. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: На материале жанра компьютерных конференций: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 18 с.
3. Часовский П. В. Социопсихологический анализ компьютерно-игрового дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2020. 233 с.
4. Мельникова О. К. К вопросу об определении термина «Интернет-дискурс» // Казанский вестник молодых ученых. 2018. Т. 2, № 4. С. 30–33.
5. Колозарики П. Руина и инфраструктура: как изменяется Интернет во время пандемии // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2021. № 6 (140). С. 8–25.
6. Иванова В. В., Шишкин А. В. Изменение интернет-практик городской молодежи в условиях пандемии (на примере Новосибирска) // Мир экономики и управления. 2021. Т. 21, № 4. С. 187–204.
7. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. 39 с.
8. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации: учебное пособие. СПб., 2002. 461 с.
9. Яковлева Е. Л. Антиномичность электронного кочевника: опыт философской рецепции посредством метафор // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2019. № 1. С. 58–68.
10. Павлов М. А. Понятие сетевого дискурса в современной лингвистике // Наука и образование. Новое время. 2017. № 1 (2). С. 9–13.
11. Карасик В. И. Сетевой дискурс: жанровые характеристики // Язык. Текст. Дискурс. 2018. № 16. С. 152–166.
12. Бушев А. Б. Цели сетевого дискурса как основание его классификации // Человек: образ, сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. № 2 (50). С. 86–102.
13. Блинова О. А. Мультимодальность в сетевом политическом дискурсе: интернет-мемы о независимости Шотландии // Научный диалог. 2019. № 10. С. 79–93.
14. Курушкин С. В. Ценностно-политический дискурс сетевых сообществ (на материале Интернет-СМИ России): дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2017. 166 с.
15. Синицкая А. В. Дискурс «жертвы» и границы публичной рефлексии в сетевых сообществах // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 4 (29). С. 120–127.
16. Юськаева Э. И. Коллективная идентичность в дискурсе сетевых сообществ // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы Всерос. научно-практ. конф. Ярославль, 2021. С. 304–308.
17. Зверева В. Сетевые разговоры: культурные коммуникации в Рунете. Bergen, 2012. 279 с.
18. Кужелева-Саган И. П., Глухов А. П., Ахметова Л. В. и др. «Цифровые диаспоры» мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей. Томск, 2016. 168 с.
19. Волков Ю. Г., Кривоусков В. В., Курбатов В. И. Цифровые мигранты и цифровая диаспора: новые проблемы и тренды международной миграции // Цифровая социология. 2021. № 4. С. 102–108.
20. Хохолькова Н. Е. Африканская цифровая диаспора // Этнография. 2021. № 3 (13). С. 191–206.
21. Пешкова В. М. Диаспорные печатные издания как альтернативное медийное пространство для репрезентации этнокультурного разнообразия России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 4. С. 124–141.
22. Демченко Е. В. К вопросу о формировании понятийного аппарата «цифровой диаспоры». Краткий историографический обзор // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 3. С. 29–35.
23. Моргунова О. А. Аспекты электронного картографирования русскоязычной диаспоры // Новое литературное обозрение. 2014. № 3 (127). С. 431–444.

References

1. Goroshko E. I. Lingvistika interneta: formirovaniye distsiplinarnoy paradigmy [Internet linguistics: forming a disciplinary paradigm]. *Zhanny i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse – Genres and types of text in scientific and media discourse*, 2007, no. 5, pp. 223–237 (in Russian).
2. Galichkina E. N. *Spetsifika komp'yuternogo diskursa na angliyskom i russkom yazykakh: Na materiale zhanra komp'yuternykh konferentsiy. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Specifics of computer discourse in English and Russian: On the genre of computer conferences. Abstract of thesis of cand. philol. sci]. Volgograd, 2001. 18 p. (in Russian).
3. Chasovskiy P. V. *Sotsiopsikhologicheskiy analiz komp'yuterno-igrovogo diskursa. Dis. ... kand. filol. nauk* [Sociopsychological analysis of computer-game discourse. Diss. ... cand. philol. sci]. Chelyabinsk, 2020. 233 p. (in Russian).
4. Mel'nikova O. K. K voprosu ob opredelenii termina «Internet-diskurs» [On the definition of the term «Internet discourse»]. *Kazanskiy vestnik molodykh uchenykh – Kazan bulletin of young scientists*, 2018, vol. 2, no. 4, pp. 30–33 (in Russian).

5. Kolozaridi P. Ruina i infrastruktura: kak izmenyaetsya Internet vo vremya pandemii [Ruin and infrastructure: how the Internet changes in a pandemic]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture – Untouchable stock. Debates on politics and culture*, 2021, no. 6 (140), pp. 8–25 (in Russian).
6. Ivanova V. V., Shishkin A. V. Izmeneniye internet-praktik gorodskoy molodezhi v usloviyakh pandemii (na primere Novosibirsk) [Changing the Internet practices of urban youth in a pandemic (on the example of Novosibirsk)]. *Mir ekonomiki i upravleniya – World of economics and management*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 187–204 (in Russian).
7. Lutovinova O. V. *Lingvokul'turologicheskiye kharakteristiki virtual'nogo diskursa. Dis. ... dokt. filol. nauk* [Linguocultural characteristics of virtual discourse. Diss. ... doct. philol. sci.]. Volgograd, 2009. 39 p. (in Russian).
8. Sokolov A. V. *Obshchaya teoriya sotsial'noy kommunikatsii: uchebnoye posobiye* [General theory of social communication. Textbook]. Saint Petersburg, 2002. 461 p. (in Russian).
9. Yakovleva E. L. Antinomicnost' elektronnoy kochevnika: opyt filosofskoy retseptsii posredstvom metafor [The antinomiality of the electronic nomad: an experience of philosophical reception through metaphors]. *Gumanitariy: aktual'nye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya – The humanitarian: actual problems of humanitarian science and education*, 2019, no. 1, pp. 58–68 (in Russian).
10. Pavlov M. A. Ponyatiye setevogo diskursa v sovremennoy lingvistike [The notion of network discourse in modern linguistics]. *Nauka i obrazovaniye. Novoye vremya – Science and education. New times*, 2017, no. 1, pp. 9–13 (in Russian).
11. Karasik V. I. Setevoy diskurs: zhanrovye kharakteristiki [Network discourse: genre characteristics]. *Yazyk. Tekst. Diskurs – Language. Text. Discourse*, 2018, no. 16, pp. 152–166 (in Russian).
12. Bushev A. B. Tseli setevogo diskursa kak osnovaniye ego klassifikatsii [The notion of network discourse in modern linguistics]. *Chelovek: obraz, sushchnost'. Gumanitarnye aspekty – Man: image, essence. Humanitarian aspects*, 2022, no. 2, pp. 86–102 (in Russian).
13. Blinova O. A. Mul'timodal'nost' v setevom politicheskom diskurse: internet-memy o nezavisimosti Shotlandii [Multimodality in network political discourse: Internet memes on Scottish independence]. *Nauchnyy dialog – Scientific dialogue*, 2019, no. 10, pp. 79–93 (in Russian).
14. Kurushkin S. V. *Tsenostno-politicheskiy diskurs setevykh soobshchestv (na materiale Internet-SMI Rossii). Dis. ... kand. polit. nauk* [Values and political discourse of networked communities (on the material of Russian Internet media). Diss. of cand. polit. sci.]. Saint Petersburg, 2017. 166 p. (in Russian).
15. Sinitskaya A. V. Diskurs «zherty» i granitsy publichnoy refleksii v setevykh soobshchestvakh [The discourse of «victim» and the limits of public reflection in network communities]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury – International journal of cultural studies*, 2017, no. 4, pp. 120–127 (in Russian).
16. Yus'kayeva E. I. Kollektivnaya identichnost' v diskurse setevykh soobshchestv [Collective identity in the discourse of network communities]. *Vozmozhnosti i ugrozy tsifrovogo obshchestva: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Proceedings of the all-Russian scientific and practical conference]. Yaroslavl, 2021. P. 304–308 (in Russian).
17. Zvereva V. *Setevye razgovory: kul'turnye kommunikatsii v Runete* [Network conversations: cultural communications in Runet]. Bergen, 2012. 279 p. (in Russian).
18. Kuzheleva-Sagan I. P., Glukhov A. P., Akhmetova L. V. «Tsifrovye diaspori» migrantov iz Tsentral'noy Azii: virtual'naya setevaya organizatsiya, diskurs «voobrazhaemogo soobshchestva» i konkurentsia identichnostey [Digital diasporas of Central Asian migrants: virtual Network organization, discourse of the imagined community, and competition of identities]. Tomsk, 2016. 168 p. (in Russian).
19. Volkov Yu. G., Krivopuskov V. V., Kurbatov V. I. Tsifrovye migranti i tsifrovaya diaspora: novye problemy i trendy mezhdunarodnoy migratsii [Digital migrants and digital diaspora: new problems and trends in international migration]. *Tsifrovaya sotsiologiya – Digital sociology*, 2021, no. 4, pp. 102–108 (in Russian).
20. Khokhol'kova N. E. Afrikanskaya tsifrovaya diaspora [African digital diaspora]. *Etnografiya – Ethnography*, 2021, no. 3, pp. 191–206 (in Russian).
21. Peshkova V. M. Diaspornye pechatnye izdaniya kak al'ternativnoe medijnoe prostranstvo dlya reprezentatsii etnokul'turnogo raznoobraziya Rossii [Diasporic print media as an alternative media space for representing the ethnocultural diversity of Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of sociology and social anthropology*, 2013, vol. 16, no. 4, pp. 124–141 (in Russian).
22. Demchenko E. V. K voprosu o formirovanii ponyatiynogo apparata «tsifrovoy diaspori». Kratkiy istoriograficheskiy obzor [On the formation of the conceptual apparatus of «digital diaspora». A brief historiographical review]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk – International journal of the humanities and natural sciences*, 2018, no. 3, pp. 29–35 (in Russian).
23. Morgunova O. A. Aspekty elektronnoy kartografirovaniya russkoyazychnoy diaspori [Aspects of electronic mapping of the Russian-speaking diaspora]. *Novoye literaturnoye obozreniye – New literary review*, 2014, no. 3, pp. 431–444 (in Russian).

Информация об авторе

Орлова О. В., доктор филологических наук, профессор, Томский государственный архитектурно-строительный университет (пл. Соляная, 2, Томск, Россия, 634003); Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: o.orlova13@yandex.ru

Ван Юаньин, преподаватель русского языка, Хэйлунцзянский институт иностранных языков (ул. Шида-наньлу, 1, Харбин, Китай, 150025).

E-mail: wangyuanying823@yandex.com

Information about the authors

Orlova O. V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering (pl. Solyanaya, 2, Tomsk, Russian Federation, 634003); Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: o.orlova13@yandex.ru

Wang Yuanying, Russian language teacher, Heilongjiang Institute of Foreign Languages (ul. Shida Nanlu, Harbin, China, 150025).

E-mail: wangyuanying823@yandex.com

Статья поступила в редакцию 03.05.2023; принята к публикации 04.12.2023

The article was submitted 03.05.2023; accepted for publication 04.12.2023